

УДК 159.9:316.6

ПРОБЛЕМЫ БЕЗБРАЧИЯ И РАСПАДА СЕМЕЙ© **Б. М. Емалетдинов***Башкирский государственный университет**Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, 450076, ул. Заки Валиди, 32.**Тел./факс: +7 (347) 229 96 85.**E-mail: ouen@bk.ru*

В статье рассматриваются причинные факторы безбрачия, разводов и успешности брака. Глубинной причиной распада семей выделяется отсутствие способности к настоящей любви или неспособность её построить или сохранить. Её заменяют влюблённость, эгоистическая (незрелая) любовь, разные формы ложной и неполноценной любви. К частым прямым причинам относятся возросшая независимость женщин, потеря взаимопонимания и взаимодоверия (вследствие измены и аномальной ревности), несовместимость характеров или духовных ценностей. Безбрачие часто обуславливают инвалидность, переоценка ценности индивидуальной свободы и независимости, непомерные требования к партнёрам, потребительская жизненная позиция, бесплодие, алкоголизм, наркомания, аномалии личности и сексуальности.

Ключевые слова: *безбрачие, распад семей, институт семьи, семья, брак, любовь, сексуальное влечение, влюблённость, псевдолюбовь, секс, ревность, измена, развод.*

Благополучие и стабильность семьи – одна из проблем современного общества, так как она – главная его демографическая, экономическая, воспитательная и психологическая ячейка. Но с 1970-х гг. в России, как и во многих других странах, происходит кризис института семьи – рост числа разводов, неполных, бездетных (часто из стремления жить «для себя», в свободе от детей) и дисфункциональных семей, а также одиноких людей, которые не могут или не хотят найти себе супруга. Разработка мер противодействию этому кризису требует анализа лежащих в основе семьи эмоциональных отношений.

С древности мировая цивилизация решает три главных вопроса бытия: 1) жизнь, её смысл и предназначение, 2) таинство смерти, 3) отношения между полами. Если жизнь и смерть – разные стороны одного целого, то отношения полов находятся между ними, давая начало жизни. Для некоторых людей любовь становится смыслом жизни – они живут и умирают ради неё. Но всем людям присуща потребность в аффилиации (альтернативная потребностям в одиночестве и власти) – в эмоциональной связи с другими людьми, взаимном принятии и расположении (Н. Murray, 1938; S. Schachter, 1959) [1, с. 108]. По мнению W. Schutz (1958), человек имеет три надорганические потребности: в контроле/власти, в аффилиации и в принадлежности группе [1, с. 319–323]. Согласно А. Н. Maslow (1970), она актуализируется после удовлетворения органических потребностей и потребности в безопасности, а выше её расположены две потребности – в признании, оценке и самоактуализации [1, с. 110–11; 2, с. 233]. Её блокирование порождает чувство одиночества, отчужденности, фрустрацию. В течение жизни сеть близких и отдалённых отношений человека с другими складывается в пяти секторах: родственники, соседи, друзья, коллеги и полезные знакомые [1, с. 323–324]. Тесные, доверительные взаимоотношения повышают душевное удовлетворение и жизне-

способность. Поэтому люди расходуют много сил и средств ради установления и поддержания таких отношений и жестоко страдают, когда вынуждены эти отношения порвать. Аффiliation – это и романтическая, и родительская любовь, и друзья, принимающие человека таким, какой он есть. Эта потребность у разных людей выражена в разной степени: 1–2 близких друзей или поверхностные приятельские отношения со многими, или то и другое. Одни люди нам нравятся, к другим мы равнодушны, а третьи нам неприятны. Первые чаще и становятся нам приятелями, товарищами, друзьями и возлюбленными. Каждый знакомый – возможный друг или враг. Но «друг» отличается от «знакомого», пусть даже очень хорошего. Дружеские отношения иногда пугают необходимой открытостью, искренностью, близостью или доверием. Часто люди не различают близость и зависимость. И мужчины и женщины могут испытывать потребность в близком общении, не находя способа её удовлетворять. Вступая в отношения, мы часто выбираем поверхностный контакт, рискуя, что нам и партнёру станет скучно. И когда такие контакты умножаются, возникает чувство пустоты и одиночества.

Сотни людей проходят через нашу жизнь, пока мы не вырастем. Но однажды мы осознаём, что рядом нет человека, с которым можно поделиться важным, нет друга, с которым связывали бы близкие отношения – мы социально одиноки. А из-за отсутствия такой тесной интимной привязанности как любовная или супружеская появляется эмоциональное одиночество (подобное «беспокойству покинутого ребёнка») [3]. Такие стрессовые события как смерть близкого или разрыв интимных отношений вызывают ситуативное одиночество. Существуют 4 группы одиноких людей – 1) не состоявшие в браке, но планирующие его, 2) состоявшие в браке и не планирующие его, 3) разведенные, 4) овдовевшие. Большинство разведенных и около 1/2 овдовевших позже снова вступают в брак. Другие остаются одинокими. Они реализуют потребность в самоозабоченности, и стараются огородить себя от вовлечённости в близкие отношения, так как требования и риск, связанные с интимностью, угрожают их свободе [4, с. 531–532]. Обычно жена младше мужа, а женщины живут дольше мужчин, поэтому вдов в 3-4 раза больше вдовцов. Убеждённые холостяки делятся на три разряда. Во-первых, это люди, болезненно неспособные к нормальному супружеству и не имеющие нужды в нем (алкоголики и др.). Во-вторых, это люди, которым чрезмерный эгоизм загораживает путь к семейному счастью, а жизнь без обязанностей, с одними правами кажется заманчивой и легкой. Они боятся стойких и длительных эмоциональных контактов из-за неумения их строить или быстрой потери интереса к одному и тому же человеку. Мотивом отказа связать себя узами брака при такой аддикции становится страх ответственности за партнёра и детей, и зависимости от них. Третий разряд – люди, у которых мало сил на семейные напряжения или ослаблено половое здоровье. Они убедили себя, что одинокая жизнь спокойнее, и если в ней меньше радостей, то меньше и горя, волнений. Часто эта убежденность защитная. Они не могут насытить потребность в близком человеке и, чтобы заглушить душевную боль, подсознательно внушают себе, что он им не нужен. Эта потребность слабая у женщин с высокой маскулинностью, жертв эмансипации [5, с. 354–355]. Среди холостых есть люди, живущие с родителями, братьями или сестрами, ведущие одинокий образ жизни, члены некоторых религиозных организаций. Они не обязательно страдают от одиночества. Если они и живут одни, то поддерживают отношения с друзьями и родственниками, заботятся об их детях. Они более свободны – им легче поступать по своему желанию (путешествовать, менять работу и место жительства). Для сохранения эмоциональной неза-

висимости они избегают устойчивых близких отношений. А окружающие часто мучают их вопросами типа «Когда же ты наконец женишься?» или «Неужели ты так и не нашла себе никого?». Эти вопросы, наряду с такими ярлыками как «старая дева», могут стать тяжким испытанием [2, с. 392]. Но природа предназначила женщин и мужчин к сближению и союзу. Вытеснение этого тяготения безразличием или избеганием – аномалия.

Сегодняшний кризис семьи рожден противоречиями социальной жизни. Он имеет четыре корня. Первый – идеология социализма привила нам веру, что только трудовой коллектив проявляет наши способности, а проблемы нашей личной жизни – пустяки, даже помеха в движении страны к новым производственным достижениям. Шансы карьерного роста, обзавестись достатком были не у обремененного семьей и детьми работника, а у одиночки, занятого только собой. Одобрение коллектива было на стороне не нагруженной домашними заботами женщины, которая часто «сидит на больничном» из-за детей, а активного общественника-холостяка. В большом почёте был передовик производства, регулярно перевыполняющий план, а не отец, воспитавший добрых, порядочных детей. Казалось, что выгоднее и престижнее быть свободным от семьи работником. И выросли поколения, для которых семья не стала главной ценностью. Развестись, бросить нежеланного ребенка, без сожаления отвергнуть чью-то любовь – это сегодня привычные поступки. Но жизнь должна продолжаться, должны рождаться дети – в любви, и в семье. Благополучие общества складывается из благополучия каждого. Воспитание детей – важнейший труд, а крепкие семейные узы – решающее условие полноты и осмысленности жизни. Второй корень – революция в отношениях мужчины и женщины в семейных, профессиональных и гражданских ролях. На смену социально-экономической зависимости женщин от мужчин идут отношения обоюдной свободы и независимости. Умирает патриархат (главенство отцов) и рождается биархат (главенство обоих полов). Представления о гендерных ролях стали гибкими. Традиционно мужественность связывали с жесткостью, агрессивностью и независимостью. Роль мужчины состояла в том, чтобы принимать решения, обеспечивать благополучие семьи и зарабатывать деньги. От женщины же требовались сочувствие, понимание, мягкость, нежность, чувствительность и покорность – ее интересы ограничивались семьей и домашним хозяйством. Одной из причин изменения половых ролей стал рост числа работающих женщин. Современных женщин уже не удовлетворяет роль покорной исполнительницы воли мужчины – теперь она сама принимает решения на работе и дома. Дочери усваивают полоролевые установки своих матерей. Женщины, которые охотно занимались бы детьми и домом, вынуждены работать ради денег, не получая удовлетворения от работы. Такие женщины придерживаются традиционного взгляда на свою половую роль, и этот взгляд усваивают их дети. И наоборот, женщины, увлеченные работой, воспитывают у своих детей либеральное отношение к половым ролям. Работающие женщины имеют дополнительную причину для стрессов: «разрываются» между работой и ответственностью за домашнее хозяйство и детей. Стремление во всем преуспеть может стать причиной разновидности стресса – «синдрома деловой женщины». Современные мужчины больше участвуют в воспитании детей и ведении домашнего хозяйства. Понимание и принятие изменившихся ролей и полоролевых установок – одно из условий гармонии отношений мужчины и женщины [2, с. 373–374]. Активизация феминизма и возникшая в середине XX в. на Западе сексуальная революция (либерализация сексуальных нравов и массовый выход сексуальных отношений за рамки брака) достигли России в эпоху

социального кризиса («перестройка» социализма 1980–1990 гг. и переход на рыночную экономику). Участились нарушения табу религии и закона на выражение сексуальности вне брака. Сексуальное поведение оторвалось от чувства любви и верности, его главная цель (продолжение рода) сместилась на интимность и развлечение. Возросло число убежденных холостяков, особенно женщин (с низкими шансами на замужество и разведённых), которые не нуждаются в мужчинах: оборотная сторона, побочное следствие антипатриархатной революции. Распространились сексуальные преступления (изнасилования, сексуальные убийства, педофилии), перверсии и девиации (гомосексуализм, трансвестизм и др.). Выросла проституция (предоставление сексуальных услуг за плату) как вид заработка, не требующий образования и профессии. Появилось мошенничество в интимных гендерных отношениях с использованием полового влечения, состояний любви и ревности при ухаживании и супружестве. Партнёры в любви могут ими злоупотреблять: оправдывать контроль над партнёром, предъявляя требования с апелляцией к любви и т. д. [6, с. 36–44, 139–142, 403–422]. Любовь как взаимное сексуальное удовлетворение стало социальной моделью патологии любви – формой псевдолюбви. К концу XX в. в западной культуре назрела сексуальная контрреволюция – отказ от сексуальной свободы ради ответственности, возврат секса в границы брака, ограничение «свободной любви», сожительства и рождения внебрачных детей. Третий корень – с середины XX в. умирает один вид семьи, который царил веками, – умирает со всей своей культурой, нравами, укладом домашних отношений. Эта семья была в основе экономической, и лишь потом душевной ячейкой; муж и жена были нужны друг другу сначала как помощники в устройстве быта и выращивании детей, и лишь потом – как люди. Душевные устои в семье постепенно перенимают главенство у материальных. Старая семья больше насыщала базовые нужды людей – житейские, половые, эмоциональные. Современным людям нужно, чтобы семья насыщала и высшие их потребности – нравственные и умственные. Это повышает требования друг к другу. Старую семью больше скрепляли внешние узы – экономические, социальные, религиозные. Сейчас рядом с ними все больше встают внутренние узы, более хрупкие – чувства, сознание, совместимость, родительский долг. К старым ролям добавилась роль возлюбленного и возлюбленной, людей сердечно и душевно близких. Ею правят другие законы. От семьи хотят уже не только благополучия, прежнего, материального идеала семьи, но и счастья – нового, психологического идеала. Достигать эти идеалы во много раз труднее. Настоящая любовь редка; её не заменяют секс, деньги, квартиры, дачи и автомобили. Только любовь может пересилить раздоры, она – основа брака, его идеал. Но она бывает далеко не у всех, и часто проходит у тех, у кого бывает. И многие браки держатся на бывшей любви или – с самого начала – на других чувствах. Четвёртый корень кризиса семьи – изменение положения старых людей. Прежде их содержала семья, теперь – через пенсию – государство, и они стали финансово независимы от детей. Воспитанием в семье правила жесткая обратная связь: вырастить в детях трудолюбие и заботливость для обеспечения родителей в старости. Семья была и производственной ячейкой, а сейчас она стала потребительской ячейкой; трудовое воспитание в ней потеряло экономическую базу. Семейным воспитанием правит сейчас духовная обратная связь – уровень сознательности, воспитательной культуры родителей. Семья – главный компонент среды, где человек живёт четверть жизни, и её он строит всю оставшуюся жизнь. Поэтому она должна быть в центре забот государства: чтобы помощи ей было не меньше, чем социальной жизни [5, с. 160–161]. В современном напряженном обществе семья, любовь супругов –

«единственное убежище, место, где я нужен», «источник веры, надежды, счастья и оптимизма» – такие оценки в опросе дали 97% респондентов (1992) [7, с. 318].

Выделено шесть причин нестабильности браков [8, с. 601–602]: 1) Рост индивидуализма. Ныне члены семьи меньше времени проводят вместе. Мы стали более эгоистичными и больше думаем о своем счастье, чем о благополучии своих семей и детей; 2) Угасание романтической любви – часто разводятся ради новых отношений, возвращающих чувство любви и радости жизни; 3) Увеличение самостоятельности женщин. Ранее брак был экономическим союзом для партнёров, прежде всего, для женщин. Рост числа работающих женщин уменьшило их финансовую зависимость от мужчин. Поэтому им стало проще принимать решения прекратить не приносящие радости супружеские отношения; 4) Превращение многих браков в источники стрессов. Если муж и жена работают, у них остается мало времени и сил на семейную жизнь; 5) Социальная приемлемость развода. Раньше брак охраняли культурные – и особенно религиозные – ценности. Развод теперь – не позорное клеймо: семьи и друзья конфликтующих супругов не склонны отговаривать их от развода; 6) Упрощение юридической процедуры развода. Раньше суды требовали для развода доказательств виновности одного из них или обоих в таких поступках, как супружеская измена или физическое насилие. Сегодня для оформления развода достаточно заявления супругов.

Эти факторы и трудности брачных знакомств создали новую (третью) модель семьи – «материнскую семью», возникающую после развода, или изначально без мужа. Главная причина здесь – избыточное материнское чувство, когда любовь к детям становится сильнее любви к мужу, энергия женственности переходит в энергию материнства. В системе ценностей женщины мужчина не на первом месте, поэтому он недолго задерживается в этом пространстве. Рождение ребёнка – частая причина угасания любви между супругами, приводящая к «любовым треугольникам» и разводам. Но главная задача женщины – не рождение детей, не материнство, а раскрытие своей сути, качеств женственности – создание «пространства Любви». Неполные и конфликтные семьи – результат повышенной любви к ребёнку, нарушения системы ценностей в семье [9, с. 31]. Но как в ней восполнить детям отца? Это изъян материнской семьи, и, если его не залечить, она будет «полунормальной» – как и полная семья с плохими отношениями. Этим женщинам достаточно детей, они не чувствуют себя обделенными без мужа (нередко находят любовников), и это их личное дело: их выбор надо, наверно, уважать. Но достаточно ли их детям только матери, не чувствуют ли они себя обделенными без отца? Вероятно, жизнь без отца обедняет больше, чем жизнь без мужа.

Для выявления причин распада семей необходимо рассмотреть и условия стабильности брачно-семейных отношений. В исследованиях выделены пять таких условий: 1) взаимопонимание, единство духовных ценностей, 2) чувства любви, симпатии и взаимоуважения, 3) совместимость (характер, бытовые установки, круг интересов), 4) наличие детей в семье, 5) материальная обеспеченность, комфортные жилищные условия. Иначе говоря, на брак влияют гораздо более экономические психологические факторы – совместимость супругов, единство их духовных, культурных ориентации. Для супружеской совместимости необходимы интимно-сексуальная, личностная и духовная близость супругов, автономия [7, с. 314–315]. Брак требует от супругов и терпимости. В первые годы совместной жизни они приспосабливаются друг к другу, привыкают к новому, семейному статусу. Временами один из супругов может возвращаться к прежним привычкам, что становится испытанием для его партнёра. Так, муж в выходной день отправляется кататься на лыжах в компании старых друзей,

оставляя жену в одиночестве. Или жена, желая проверить, не угасли ли чувства мужа, принимается кокетничать на вечеринке с другими мужчинами. Для брака важны и навыки эффективного общения. Часто человек вступает в брак, надеясь, что после свадьбы сможет перевоспитать партнёра в том, что его не удовлетворяет. Его могут раздражать привычки или взгляды избранника, но он молчит, не желая портить медовый месяц. Такие браки редко бывают удачными. По мнению У. Харли (1992), неудачи мужчин и женщин в строительстве семьи часто обусловлены незнанием потребностей друг друга [4, с. 529]. Компромисс возможен, если супруги открыто обсуждают друг с другом свои чувства и идут на взаимные уступки. Лучшие супруги обычно те, которые умеют слушать партнёра и готовы корректировать свое поведение по его пожеланиям. Каждый партнёр, вступая в длительные отношения, имеет определенные надежды и дает обещания, т. е. предполагает что-либо дать и что-то получить взамен. Договор бывает сознательным и вербализованным, сознательным и невербализованным, неосознанным. Он включает все аспекты совместной жизни: состояния здоровья, секса, проведения досуга, денег, детей и др. [10, с. 226, 247–267]. Если ожидания партнёров по любому из этих аспектов различны, то они могут стать причиной конфликтов. Так, муж может ожидать от жены послушания, заботы о нем. А жена ожидает от него романтической любви, помощи в ведении домашнего хозяйства. Если каждый ведет себя вопреки ожиданиям, возникают чувства обмана и беспокойства. Сознательный и вербализованный договор даёт им возможность прийти к согласию, исключить неоправданные ожидания. Брачный союз призван объединить удовлетворение потребностей партнёров в условиях тесного и длительного контакта. Его стабильность определяет соответствие взаимных ожиданий и требований по пяти факторам: физическому, материальному, культурному, сексуальному и психологическому (соотнесение особенностей их личностей – характеров, ролевых притязаний и др.) [11; 12, с. 375–378]. Ныне главной становится «терапевтическая функция» семьи: супруги друг для друга являются психотерапевтами, оказывая постоянную психо-эмоциональную поддержку. Адекватное выполнение этой функции наиболее коррелирует с удовлетворенностью браком и его стабильностью. Браки распадаются, если способность играть эти роли минимальна или не используется [12, с. 379].

Основная, глубинная причина безбрачия и разводов, на наш взгляд, – отсутствие настоящей любви (способности к ней) или неспособность её построить и сохранить. Это относится к одному из партнёров или к обоим, т. е. только один из четырех вариантов – счастливая любовь. Сравнение успешных и неудачных браков показало, что в стабильных семьях уровень любви, измеренный по стандартным шкалам, значительно выше (A. Fiore, C. Swensen, 1977). Любовь и удовлетворенность браком положительно связаны (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, 1983). Но развитие с эпохи Возрождения «симулякров» трех порядков [13] проявляется и в разнообразии форм псевдолюбви (E. P. Fromm, 1956) и видов неполноценной любви (R. J. Sternberg, 1986), что создаёт иллюзии любви, подрывает основы семьи и нарушает развитие личности детей. Выбор партнёра и создание семьи (и большинство разводов) как разрешение конфликта между интимностью и изоляцией обычно происходит в ранней взрослости (20–40 лет), но иногда продолжается в средней взрослости (40–60 лет) [4, с. 509–510, 531]. В эти периоды формируется способность любить другого человека, признавая его ценность и не сливаясь с ним. О критериях выбора партнёров в интимных отношениях выдвинуты две гипотезы: 1) сходство расы, этноса, религии, социального класса, образования, интеллекта и внешней привлекательности (гипотеза сходства)

(С. Hendrick & S. Hendrick, 1983; S. S. Brehm, 1985), 2) взаимная привлекательность – людям нравятся те, кому нравятся они сами (гипотеза взаимности) (D. Byrne & S. K. Murnen, 1988) [14, с. 342]. Одни ищут в любимом своё подобие, другие – дополнение. Хотя партнёры могут быть противоположны в сильных и слабых сторонах характера (застенчивость-общительность и т. д.), они, как правило, из одного социального класса и их взгляды по главным жизненным вопросам совпадают. Если человек с более высоким статусом выбирает партнёра с более низким статусом, уступки обычно делают возрасту и красивой внешности, но внутри страты чаще выбирают партнёров с близкими себе возрастными и внешними данными. Если ни в браке, ни в дружбе человек не достигает близости, уделом его становится одиночество – когда ему не с кем разделить свою жизнь и не о ком заботиться. Нередко возникает «интимфобия» – страх близости с людьми другого пола (60% мужчин): творчество, работа, карьера, политика, деньги становятся ценнее любви и семьи [9, с. 74–79; 15, с. 466–467]. Г. Шихи (1999) различает варианты «модели поведения» как решение задач развития женщин и мужчин к периодам кризисов 28–32 г. и 40–45 лет в зависимости от их выбора в начале ранней взрослости (любовь и семья, работа и образование и др.) [4, с. 540–552].

Потребность в любви у разных людей неоднозначна по силе и содержанию. От силы потребности в любви и её насыщения зависит, сколько раз в жизни будет любить человек. Если она сильная и насыщается, то любовь не гаснет до склона лет, и «долголюб» может стать «однолюбом»; если любовь гаснет, а потребность в любви не насыщена, то в человеке, как лист в почке, таится готовность к новой любви, жажда к ней. Однолюбам людей делает счастливая любовь, которая длится до склона лет. А несчастная, неутоленная любовь гасит их энергетику, активность чувств. Эта любовь может (хотя и редко) стать пожизненным чувством, так как не насыщается. Обычно она бывает у интровертов с тонкой и уязвимой душой. Как правило, долгая любовь – взаимная. Неразделенная любовь, которую переживал, наверное, каждый из нас, чаще недолгая [5, с. 365–366].

Способность любить – это не сверхспособность, а средняя, общедоступная способность нормальной души. Но чем старше люди, тем меньше среди них тех, кто может испытывать его. У многих не хватает глубины души, чтобы вместить это глубокое чувство из-за воспитания, жизненных условий или чрезмерности эгоизма. Но если влюбленность у таких людей сильная, она может и стать любовью. Но для этого ей надо внутренне перестроить человека, вырастить в его душе эгоальтруизм, который только и может излучать любовь. На такую «революцию души» способны немногие. Если эгоизм – это вознесение себя над другими и умаление других, то альтруизм – вознесение других над собой и умаление себя. Равновесие своего и чужого «я», стремление не возносить себя над другими и других над собой, а относиться к другим как к себе самому – «эгоальтруизм» [5, с. 101–114]. Аристотель писал в своей «Этике», что все дружественные отношения возникают из отношения самого к себе, распространённого на других [16]. Родительская и детская любовь к родителям, и другие родственные чувства – все они растут из эгоальтруизма. Понимание, что твоя радость так же радостна другому, как тебе, а боль так же больна, как твоя боль, – это, наверное, первичная клетка гуманизма, его психологическая основа, родственная любви. Любовь – это влюбленность, построенная на «эгоальтруизме». Эгоальтруизм растет, видимо, больше из человеческой психологии, а эгоизм и альтруизм больше растут из биологического уровня жизни. Неспособность любить – изъян не биологический, а психологический, душевный. Талант любви – это талант души, и он отличается от таланта художника, изобретателя, писателя, ученого.

Главное в нём – душевность, сердечность, «человеколюбие» – способность дорожить другим, как собой. Это гораздо более доступный талант, и в идеале он, видимо, может быть у каждого нормального человека, главная его душевная способность. Она – основа не только любви. Дружба тоже пропитана отношением к другому человеку, как к себе самому [5]. Многие люди к любви не способны. Они чувствуют себя неполноценными (с детства мы знаем, что любовь – самое светлое чувство). Частая причина неспособности любить – слишком большой эгоизм. «Двуцентрические» чувства (сопереживания) эгоиста гораздо слабее «я-центрических», подчиняются им. В глубине души он считает себя божественной персоной и любит себя больше всего на свете [17, с. 65]. Его подсознание ощущает себя лучше, выше других людей. Каждое переживание строится на микронном самовозвышении и умалении других. Эгоизм – крупинка мании величия. Любить – это сверхценить другого всеми глубинами души, а эгоист сверхценит себя и может сверхценить другого лишь ненадолго, нестойко. Он способен на влюбленность – тоже чувство другого как сверхценности. Она вживляет в душу эгоиста подсознательную призму, которая возвышает других. Но она вступает во вражду с его главной призмой – подсознательным умалением других – побеждает оптика хозяина, а не гостя. Все его чувства обращены на себя, замкнуты в себе, он не может войти душой в другого и впустить его душу в свою. Он способен лишь коротко, на миг втиснуться в чужую душевную жизнь – и снова глухая отгороженность, закрытое я-существование без мы-слияния. Альтруизм, как и эгоизм, «одноцентричен», но центр этот лежит не в себе, а в другом человеке. Забота о других в ущерб себе – высший вид человечности в ситуациях опасности, ухода сильного за слабым, или когда человек отдает от своего избытка чужой недостатке (или отдает даже от своей недостатка). Но им движет закон предельного неравенства с другим человеком – закон самоуничтожения ради спасения другого. Альтруистическая любовь быстро становится таким же недугом души, как и безответная любовь: человеку все время не хватает радостей от встречных забот, у него не насыщаются нужды своего «я» в одобрении, поддержке, ласке [5, с. 110]. Альтруизм – лишь «отдавание», а эгоальтруизм – «давание» и «получание» вместе, равный обмен дарами. Суть любви – не накал чувств, а дорожение другим как собой. Человеколюбие – сердце любви, ее основа, что отличает ее от других влечений. Эти влечения могут быть жгучими, изнуряющими, но если в них нет человеколюбия, это не любовь, а чувство другого ранга – влюбленность (привязанность, увлечение). Любовь – не только взлет в свободу экстаза, свободу от земной обыденности. Это и рабство – плен у любимого человека, сверхзависимость каждого шага твоей жизни от каждого его шага. Любовь сопряжена и с риском. Мы рискуем потерять любимого человека. Он может умереть, нас могут разлюбить, и мы можем разлюбить («сердцу» не прикажешь). Счастливая любовь редка и не бывает идеальной – идеальной ее делают молва, легенда и биографы. И в счастливом браке часто один любит меньше или лишь позволяет себя любить. Мужчины и женщины равно несчастливы или редко счастливы во взаимной любви. Для любящего больно, противоестественно доставлять страдание любимому. Любимый дороже себя. Его желание, счастье – главное желание любящего. Тут любимый и получает полную власть над любящим. Может дать счастье или горе, заставить сделать что угодно. Любовь – это желание (чувство) такой силы, что неудовлетворение его есть страдание (вплоть до смерти).

Согласно Е. Р. Fromm, любовь – это главным образом «отдавание», а не «получание». Получает потребитель в человеке, отдает творец; причем отдает с радостью. «Отдавание» без радости – подневольное или альтруистическое – это исполнение долга, повинность. Радост-

ное «отдавание» – это душевное творчество, и этим оно и радостно [18]. Потребность отдавать любовь (ласку, заботу) – главный путь в создании взрослого счастья. Но жизненная гармония состоит в равновесии «давания» и «получания», единстве стремлений «создавать» и «потреблять». На подсознательной тяге к такому маятниковому равновесию построена природа человека. Здесь, видимо, действует тот же закон, который правит обменом веществ – от простейшего биологического до самого сложного душевного и духовного. «Любовь» для Е. Р. Fromm – это активная забота о жизни и росте того, что мы любим, это особое состояние души – человеколюбие и жизнелюбие, часть всеобщей любви к людям, к миру, к жизни. Это не луна, которая отражает чужой свет, а солнце, которое светит само. Но люди не понимают этого, пишет Е. Р. Fromm, они считают, что любовь «вызывается объектом любви, а не способностью любить». Они извлекают источник любви из себя и помещают его в другого – ищут нужный им «объект», а не растят в себе способность любить. Они ведут себя как человек, который хочет научиться рисовать, но ждет подходящую натуру. Если нет эгоальтруизма, то никакой «объект» не разбудит в человеке любовь. Балалайка не создана для глубокой музыки, и какие бы скрипки ни возникали перед ней, она не сможет сравниться с ними. Пожалуй, только глубокая душа, и только в счастливой любви, способна породить чувство слияния с другим человеком, проникновения в мир, в котором все земное выглядит преображенным, окрашенным в «надземные» цвета [5].

Развить в себе способность любить учит нас опыт российской и мировой культуры, особенно литературы. Литература создает образ, метафору чувств, воссоздает мир души человека. Читая произведения талантливого писателя, мы получаем возможность новой интерпретации, нового объяснения, уточнения своих чувств, возможность лучше разобраться в своих переживаниях. Искусство предоставляет нам строительный материал, учит «азбуке чувств», пользуясь которой, мы вольны возводить собственное неповторимое здание. Людей, живущих во взаимной любви долгие годы, немало. В их домах любовь не угасла после свадьбы, а разгоралась сильнее.

Мы полагаем, что главная «профессия» женщины – быть добропорядочной женой и заботливой матерью. Ядро интимной жизни мужчины и женщины – любовь: она заложена в каждом, и не связана ни с образованностью, ни даже со знаниями, возрастом и степенью «культурности» человека. Идеал части девушек в современной России – фотомодель или блудница. Но многие девушки видят главную цель своей жизни в замужестве и материнстве (символ социальной состоятельности), которые становятся для них таким же элементом идентичности, каким для юношей выступает самореализация в профессии. При неспособности достичь взаимности возникает чувство изоляции – одиночество, остракизм. Истинная близость возможна, если обретено чувство идентичности. Некоторые вступают в брак, надеясь его обрести, найти себя в браке. Но супружеские и родительские обязательства тормозят их развитие, и брак обычно распадается. «Близость» – готовность двух людей делиться друг с другом и совместно регулировать важные аспекты своей жизни. Люди различны (в расовом, гендерном, этническом, религиозном, возрастном, образовательном, социально-классовом, сексуальном аспектах, а также по темпераменту и характеру) и неизбежны антагонизмы между ними. Если же близость сильнее, то развивается такое качество «Я», как зрелая «любовь» – взаимная преданность, преодолевающая антагонизмы. Вероятно, «совместимость» – миф, т. е. наше самочувствие зависит не от того, какие свойства имеет партнёр, а от того, какие отношения нам удалось с ним установить. А на это наши свойства и

сочетания этих свойств мало влияют. Любые люди могут создать близкие отношения, а могут и не создать.

Но упадок ценностей ныне таков, что люди пытаются завоевать человека другого пола, скрывая свои недостатки и выставляя напоказ вымышленные качества и добродетели, которых не имеют. Ухаживание выступает как период максимального взаимного обмана – каждая сторона стремится приобрести расположение другой, пытаясь произвести на нее как можно более благоприятное впечатление, зачастую ценой честности. Мужчины и женщины подменяют свой психологический портрет имиджем: как актеры, играют «добродетели», обманывая партнёра. Тот, принимая ложь за реальность, остается в незнании истинных качеств «приятного» партнёра. Если такие отношения приведут к браку и совместной жизни, то со временем их истинные качества неизбежно проявятся. Тогда партнёр думает, что другой испортился, и обвиняет в этом всех вокруг. На самом деле рухнул обман: человек не смог или не захотел более скрывать свое истинное лицо. Здоровое общение и в интимной сфере не нуждается в манипуляциях. По мнению Д. С. Соммэр, мужчина и женщина могут юридически зарегистрировать свой брак или обвенчаться в церкви, но если между ними нет любви – их союз незаконный перед Природой. Для создания счастливой семьи, кроме любви, нужны общие интересы, общая цель и взаимопонимание. Но именно любовь узаконивает и освящает этот союз, даже если он «незаконный» по правилам людей. То, что люди механически часто считают любовью, – суррогат, имитация этого чувства. Обычно брак – юридическое оформление сожителства мужчины и женщины, имитирующих любовь. В этом – основная причина семейных крахов, когда вымышленная любовь не проходит испытания реальностью. Тогда супруги придумывают всевозможные причины для оправдания разрыва, не осмеливаясь признать, что никогда не любили друг друга [19, с. 267]. Здоровый, полноценный брак образует «гештальт» (мы). Но часто это – «Я+Я» – сцепка двух автономных и самодостаточных «Я». Партнёрский брак – совместное предприятие по взаимопользованию: если один партнёр хотя бы частично утрачивает потребительские качества, то подлежит замене. Возможно, эта философия – исток кризиса современной семьи. Теория «социального обмена» выделяет 6 классов обменных ресурсов: любовь, статус, информация, деньги, товары и услуги [20, с. 904–906]. Чем больше социальных наград сулит нам дружба или любовь другого человека (и чем меньше требуется затрат), тем больше мы его будем любить. Если же затраты (эмоциональные и др.) на взаимоотношения больше вознаграждений (похвалы другого и др.), то вероятно, они будут недолгими. Люди конструируют «любовь». Ухаживание и брак выступают как формы переговоров. Ухаживание позволяет мужчине и женщине оценить плюсы и минусы друг друга как супругов, уточнить, что каждый из них может предложить взамен. Т. е. они стремятся к наиболее выгодной «сделке» из всех возможных. В патриархальных обществах «брачный» набор мужчины состоит из богатства и власти, а от женщин ожидают другого вклада – красоты и деторождения. Это объясняет традиционную заботу женщин о своей внешности и чувствительность к возрасту. С ростом числа работающих женщин уменьшается их экономическая зависимость от мужчин, а в среднем возрасте (35–45 лет) физические силы и привлекательность убывают – позиции полов в брачном «обмене» сближаются. Отношения людей зависят от трех факторов. Во-первых, насколько вознаграждаемыми кажутся им эти отношения, во-вторых, от оценки затрат, которые эти отношения требуют, в-третьих, от

восприятия того, какие взаимоотношения человек заслуживает и возможности иметь лучшие взаимоотношения с другим [20, с. 896–897].

Если в западной культуре вступают в брак с теми, кого любят, то в восточной культуре любят тех, с кем заключили брак. В одних культурах брак рассматривают как совместное времяпрепровождение двух любящих людей, в других – как партнёрские отношения для достижения успеха (включая продолжение рода) и получения социально-экономических выгод. Любовь редко бывает решающим фактором в начале такого брака, хотя в дальнейшем между партнёрами могут развиваться любовные отношения. Конфликты в межкультурных браках возникают из-за разницы выражения любви и интимности, взглядов на брак и воспитание детей, понимания гендерных ролей и взглядов на ведение домашнего бюджета [14, с. 345–346]. Большинство заключает брак по любви или сильной эмоциональной привязанности к партнёру, что повышает долговечность брака (D. Tennov, 1979). Некоторые же люди женятся и выходят замуж не по любви, а в надежде приобрести чувство безопасности и уверенности. Многие мужчины и женщины ведут совместное хозяйство, вступая не в официальный, а в «гражданский» брак. Внебрачное сожительство практикуют люди разных возрастных групп. Согласно опросам, люди часто решают жить вместе, не связывая себя брачными обязательствами, чтобы проверить прочность своих отношений; для них это – проба брака. Среди других причин – потребность в осмысленных и комфортных отношениях с человеком другого пола, желание избавиться от одиночества, спать в одной постели с человеком, который относится к тебе нежно. Гражданский брак обычно временный: пары, несколько лет прожив вместе, расходятся (около 2/3 пар) или официально оформляют свои отношения [2, с. 383–384; 20, с. 987]. Более важен не сам факт брака, а качество отношений. Но люди, состоящие в браке, чувствуют себя более счастливыми, чем вдовы, одинокие люди, особенно разведённые и брошенные [21, с. 571–572].

«Брак» – добровольный союз двух любящих друг друга людей. Нормальная семья – союз 3-х видов любви: супружеской, родительской и детской, но основа семьи – счастье (или хорошие отношения) взрослых (источник детского счастья). Развитие семьи проходит 4 стадии: 1) ухаживание, 2) адаптация к совместной жизни, 3) содержание и воспитание детей, 4) жизнь с повзрослевшими детьми, которые часто создают свои семьи [10, с. 239]. Роль родителей – наделенных властью – нередко препятствует их сближению с детьми. Лишь когда дети вырастают, родственные связи между поколениями раскрываются и строятся на взаимодоверии и взаимопомощи (Macionis, 1978). первая стадия имеет 5 периодов: 1) знакомство – предоставление друг другу сведений о себе, чтобы определиться в том, достаточен ли вызываемый другой стороной интерес для оправдания последующих встреч, 2) установление связи, основанной не на стереотипах восприятия, а на понимании друг друга как личностей, 3) появление взаимной симпатии и расположения – дружбы, 4) взаимное самораскрытие и доверие своих секретов, 5) заключение союза на основе достаточного понимания и принятия друг друга. Общества и пары могут сокращать их, но три периода постоянные – выбор партнёра [10, с. 225], возникновение привязанности и заключение договора [20, с. 986–987]. Но не каждому человеку удаётся создать свою семью, стать родителем и даже супругом (бесплодие, инвалидность, отсутствие жилья, низкие доходы, карьерная гонка и т. д.). Родительская ответственность серьёзнее, чем супружеские узы, так как обретение детей и забота о них – часть смысла жизни людей, и родители понимают, что с детьми нельзя «развестись». Достичь счастья и суметь его удержать трудно,

а для многих непосильно. Любовь не обязательно возникает, даже если есть много общего, есть понимание и сочувствие. Тут нужна таинственная «искра», которая и рождает любовь в нашем подсознании и которую высекают то ли проблески души влекущего тебя человека, то ли «голод» по любви. Понимание и общность не всегда рождает любовь, но продляют ее жизнь: полюбить можно разных, а сохранить любовь – только к близкому, душевно рифмующемуся человеку [5]. Что же происходит, когда он и она познакомились, и между ними вспыхнула искра чувства? Согласно «двухкомпонентной модели» С. Шехтера (S. Schachter, 1971), эмоции возникают при одновременном сочетании двух факторов: физиологического возбуждения и возможности субъекта интерпретировать его для себя в терминах эмоций. Если люди при встрече испытывают физиологическое возбуждение, то они пытаются объяснить себе свое состояние. И иногда объясняют влюбленностью [21, с. 561–562; 22, с. 120–121]. Вероятно, любовь «придумывается» так же как создаются образы воображения художника. Воплощенные в красках и глине, в стихах и в музыке, результаты творческой фантазии мастера становятся реальностью, входят в нашу жизнь, возвышают ее. Так же и «придуманное» чувство, развившись и окрепнув в нашей душе, входит в жизнь, становится фундаментом отношений семьи, создает единственный для каждой пары мир. Оно меняет и возвышает нашу жизнь.

Самое трудное в браке – переход от любви к дружбе, не жертвуя любовью. Немногие умеют это делать, поэтому супружеская ладья часто становится галерой, а то и идет ко дну. Исток счастья – душевное родство людей, но когда у них кончается весна счастья, от их соучастия зависит, будет ли у их счастья лето или оно угаснет. Любовь – царица чувств, но семья – часто не трон для нее, а гроб. У любви и семьи есть совместимость и несовместимость. Совмещаются их сильные стороны: повышенная забота друг о друге, отношение как к себе самому – не ролевое, а личностное отношение. В этой высшей точке любви и семьи выявляются их слабые стороны, которые не совмещаются. Любовь выявляет лучшие стороны человека, семья – лучшие и худшие. Проявления лучших сторон подпитывают любовь, а худших – истощают. А у семьи для этих худших сторон есть проявитель: ее теневые стороны – рутина и конфликтность быта. Они сильно бьют по слабой стороне любви – ее ранимости и уязвимости [5, с. 392–393]. Развитие супружеских отношений закономерно включает два кризиса: в первые 3–7 лет и, затем, в период 17–25 лет совместной жизни, что требует терпения, избегая взаимных обвинений [10, с. 244–247].

Словом «любовь» часто обозначают совсем другие реальные явления – половое влечение, эмоциональную привязанность, влюбленность, жалость, восхищение и др., – что принимается за любовь, а в действительности ею не является. Оно обозначает два связанных явления: 1) переживаемое человеком аффективное состояние, чувство, влечение; 2) основанное на нём межличностное отношение с другим человеком, союз, где их автономные «я» сливаются в столь же индивидуальное, нерасчленимое «мы». Любовь – культурно-исторический и личностный феномен. Основное новообразование периодов взрослости (20–60 лет) – достижение личностной зрелости [4, с. 509]. Один из 5 её признаков – способность любить – умение проявлять свои чувства и понимать чувства другого человека, поддерживать глубокие и близкие отношения [2, с. 201]. Свойства личности определяют выбор поступка в ситуации конфликта в интимной сфере (измена, безответная любовь, угасание любви): расставание (развод), суицид, убийство. Мотивы супружеских убийств (самоутверждение, ревность, корысть, избавление от забот или удержание супруга в семье) [23, с. 39–46, 77] – следствие

псевдолюбви и асоциальности. «Личность» – система внутренних, субъективных отношений данного человека к внешней реальности и к себе, результат персонификации и интериоризации общественных отношений, обусловленная сложившейся в процессе социализации иерархией мотивов [24, с. 54]. Центр её – отношение к другому человеку, другим людям, и, как следствие, к самому себе. Овладевая этим центром, любовь овладевает ключом к постижению всей сущности человека [25, с. 41]. Человек может переживать 4 типа глубинного отношения к другому. Если «любовь» (1) – удовольствие от доставления удовольствия (радости) другому, то «садизм» (2) – удовольствие от причинения ему боли (физической или психической – оскорбление, унижение, эксплуатация и др.) или от восприятия его страданий, «сочувствие» или сострадание (3) – страдание от восприятия страданий (неприятных эмоций) другого, а «зависть» (4) – страдание (боль) от удовольствия (радости) другого [26, с. 282]. По способу отношения к другому человеку и к себе, Б. С. Братусь (1986) выделил четыре смысловых уровня в структуре личности: 1) эгоцентрический, 2) группоцентрический, 3) просоциальный (гуманистический), 4) духовный (эсхатологический). Доминирование одного из них образует тип личности. Русская (дореволюционная) культура формировала в человеке, как нравственный идеал, «духовную» направленность его личности, советская – «группоцентрическую», а западная – «просоциальную». На каждом уровне развития личности меняются представления человека о «благе», «счастье» и «любви». Как субъект межличностных отношений личность предстаёт в 3-х пространствах: 1) интраиндивидуальных качеств, образующих индивидуальность (ведущие мотивы, характер, темперамент, способности), 2) межиндивидуальных связей, где взаимоотношения и взаимодействия в группе становятся носителями личностей их участников, 3) сознания и деятельности других людей, в том числе за пределами наличного взаимодействия; как результат смысловых преобразований их интеллектуальной и аффективно-потребностной сфер. Любовь – межличностное отношение, включающее в себя уважение, восхищение, страстность, дружбу и интимность, где благополучие и счастье другого важнее собственных. Это – отношение Ребёнок-Ребёнок, свободное от осторожности Взрослого и критицизма Родителя [27, с. 53–55]. Просоциальная личность, ставшая индивидуальностью, реализует себя путем культурализации и персонализации в свободном творческом труде, дружбе и любви. Любовь и дружба, в отличие от товарищества и приятельства, – виды избирательно-личностных отношений людей, включающие взаимное признание, доверие, доброжелательность, заботу. Это – добровольно устанавливаемые отношения привязанности, не опосредствованные родством, соседством или социальной организацией. Как и чувство долга, эмпатия, доброжелательность, благодарность, ненависть, они относятся к классу «моральных чувств». Как отношение людей, любовь характеризует высшая эмоционально-духовная напряжённость и открытие максимальной ценности другого человека. Она не скована нравственными оценками и этим отличается от дружбы. Дружбу от любви отличает меньшая интимность и большая рассудочность, более строгие нормативные и ритуальные правила поведения, и, как правило, – это отношения людей одного пола. Кроме того, дружба, в отличие от любви, направлена только на человека, всегда взаимная и явная. Мужские, женские и супружеские межличностные отношения специфичны, но существуют также отношения родитель-ребёнок, разнополюе приятельские, товарищеские, дружеские и любовные. Выявлены разнополюе дружеские отношения сотрудников без сексуальных контактов между ними (R. E. Quinn, S. A. Lobel & K. Hulik, 1990) [28, с. 374–375, 874], хотя существует

предубеждение, что такие отношения – нечто больше, чем обычная дружба. Иногда разнополым друзьям необходимо определить, какое место в их отношениях занимает сексуальная симпатия. Дружба, включающая сексуальные контакты, – неисследованная область отношений людей. Дружба людей разного пола со временем может перерасти в более глубокое интимное чувство – любовь. Если дружба – начало душевного сближения людей, то любовь – вершина интимности людей. Норма дружеских отношений – неписаный «кодекс», требующий равноправия, взаимопонимания, откровенности и открытости, доверительности, взаимопомощи, взаимного интереса к делам и переживаниям другого, искренности, бескорыстия чувств и преданности. Серьезные нарушения «кодекса» превращают дружбу в поверхностные приятельские отношения или даже в её противоположность – вражду. Но в любви люди могут отчасти прощать друг другу подобные нарушения ради сохранения связывающих их глубоких чувств.

В отличие от симпатии и дружбы, любовь амбивалентна, может переходить в ненависть к возлюбленному (если он лишает нас взаимности) или свою противоположность – равнодушие. Поэтому разделяют «любовь» как безотчётное влечение, привязанность к другому и «симпатию» как расположение. Эти чувства часто не совпадают. Абсолютное принятие другого человека ведёт к тому, что практикуемые правила поведения и оценки утрачивают непререкаемость, становятся относительными, подчинёнными конкретной связи людей. Любовь – вершина форм преодоления отчуждения людей, нравственного отношения к человеку, с которой видна ограниченность всякой абстрактной морали. Она самозаконотательна, свободна. Отсюда вытекает её трагичность, порождённая конфликтом «абсолютности» господствующих нравственных требований и их относительности в рамках любви. Трагичность несёт в себе как несчастная, неразделённая любовь, так и счастливая, взаимная любовь, с ещё большей силой выталкивающая любящих за рамки обыденного и общепринятого [29, с. 534].

На наш взгляд, дружба и любовь имеют три общих компонента – взаимопонимание, взаимодоверие и взаимопомощь, которых пронизывает идеализация партнёра («нас возвышающий обман»). Дружеские чувства могут локализоваться в любовных, семейных или родительских отношениях. Идеализация – светлая «двойная оптика», которая скрашивает недостатки близкого (отрицает или преуменьшает их) и расцветчивает (преувеличивает) его достоинства (или наделяет социально желательными и идеальными) [22, с. 116–118]. Часто даже неясно, кого любят – человека или его образ (розовое подобие, которое сфантазировало подсознание). Т. е. любовь включает фантазию: мы влюбляемся не в реального человека, а наделяем его важными для нас качествами и увлекаемся созданным нами образом. Это побуждает человека хотя бы в чем-то стать таким, каким его видят украшающие глаза любви. Положительной эмоцией правит двойная светлая оптика, отрицательной – двойная темная. Положительные, принимающие эмоции видят достоинства вещей через увеличительное стекло, а недостатки – через уменьшительное. Отрицательные, отвергающие эмоции, наоборот, видят через увеличительное стекло недостатки вещей, а достоинства – через уменьшительное. Сильная и долговременная любовь, кроме того, имеет 2 признака – 1) «ясновидение чувств» и 2) «эффект присутствия» [5, с. 43–78].

Стадии развития близких отношений описали М. Knapp и А. Vangelisti (1992): 1) потребность в близости опредмечивается в конкретном человеке (например, любовь с первого взгляда) и появляется мотив созидания союза (инициация отношений), 2) поиск общего (психологических «точек соприкосновения»), 3) отношения приобретают интимность и уни-

кальность (их индивидуализация и усиление), 4) объединение двух «Я» в одно общее «Мы» (интеграция: $1+1=1$), 5) декларация союза и принятие совместных обязательств (например, брак). Но человек склонен как к опредмечиванию, так и к распредмечиванию потребностей. Близкие отношения могут вступить на путь инволюции (распада): 6) дезинтеграция ($1+1=2$), 7) обезличивание и ослабление отношений, 8) поиск различного, 9) разрыв отношений – отчуждение [15, с. 178–183; 19, с. 142–159]. При этом распад отношений, вероятно, обусловлен изменениями не партнёра, а интерпретации его качеств другим партнёром [30, с. 151]. Развитие любовных отношений включает три стадии: влечения (свиданий), эмоционального сближения и сексуальной близости. Их последовательность бывает разной: каждая стадия может развиваться на фоне другой, но зрелые гетеросексуальные отношения проходят все три стадии (J. H. Gagnon, C. S. Greenblat, 1978). Эмоциональная близость возникает, если люди начинают доверять друг другу свои сокровенные мысли и чувства. Даже если мужчина и женщина не любят друг друга, эта близость может создать у них иллюзию любви. Люди, как правило, ищут любви, и готовность любить может стать причиной возникновения эмоциональной близости. Эмоциональная и сексуальная близость не всегда сопутствуют друг другу. Иногда одна порождает другую. Каждый человек сознательно или интуитивно ищет поддержку, защиту в другом. У молодежи это выражается в лозунге: «Полюби меня!» и часто связано с ранней сексуальностью, поиском любви в сексе. Браки, основанные только на сексуальной близости, редко бывают успешными [2, с. 377–383]. Согласно А. Н. Maslow (1970), сексуальная близость приносит радость и удовлетворение, если партнёры близки эмоционально. С точки зрения В. Е. Frankl [31, с. 245], мы можем найти смысл жизни тремя путями: совершая дело (подвиг), переживая ценности, страдая. Второй путь – любовь – единственный способ понять суть личности другого человека – никто не может осознать её до того, как полюбил его. В духовном акте любви человек способен увидеть особенности любимого, а также – потенциальное в нем, то, что еще не выявлено, но должно быть выявлено. Он заставляет его актуализировать свою потенциальность. Помогая осознать то, кем он может быть и кем он будет, он превращает эту потенциальность в истинное. Пока любовь не открывает через любящего совершенств любимого, последний их не знает и не имеет. Если S. Freud считал любовь сублимированной формой сексуального инстинкта, то Е. Р. Fromm полагал, что сексуальный инстинкт – одно из проявлений потребности в любви и соединении, которые всегда присущи человеку из-за экзистенциальной ситуации одиночества. Но если в эротической любви отсутствует любовь к человеку и она продиктована только желанием к объединению, то это – сексуальная страсть без любви или извращение любви – садистская и мазохистская её форма. Любовь – не «сублимация» сексуальных влечений и инстинктов, а такой же феномен, как и секс. Сексуальное поведение может выражать любовь, похоть, желание интимности, гнев, грусть, заботливость, брутальность и др. В норме секс – способ выражения любви. Он оправдан, даже необходим, если он – проводник любви [31, с. 246].

Эротическая любовь – многоликое чувство. В модели Р. Стернберга (R. J. Sternberg, 1986) она включает три компонента: а) интимность (доверительная близость – честность и взаимопонимание), б) сексуальное влечение, в) ответственность за любимого и судьбу отношений (или «преданность» – намерение поддерживать отношения, несмотря на возникающие трудности). По выраженности этих компонентов Стернберг различает семь видов любви (в скобках указаны выраженные компоненты): 1) симпатия (а), 2) страсть (б),

3) придуманная любовь (в), 4) романтическая любовь (а, б), 5) дружеская любовь (а, в), 6) слепая любовь (б, в), 7) полноценная любовь (а, б, в). Влечение – это опредмеченная в конкретном человеке сексуальная потребность. Инициация, развитие и завершение любовных отношений зависят от таких особенностей личности, как локус контроля и уровень морального развития. «Близость» – минимальная дистанция в отношениях: от физического контакта до понимания и эмоционального принятия [15, с. 179–180; 21, с. 560–561]. К «близким» отношениям относятся привязанность, дружба и любовь [1, с. 325]. Мотивация общения детей из потребности в физическом контакте преобразуется в потребности в социальном контакте (принадлежности) и социальном взаимодействии (близости). Их совокупность образует потребность в аффилиации. Главную роль в её удовлетворении играет эмоциональный, а не когнитивный компонент (S. Schachter, 1959). Если потребность в принадлежности – стремление к широким и разным эмоциональным контактам с людьми (экстенсивный аспект), то потребность в близости – интенция создания уникальных взаимоотношений с избранным человеком. Описано 3 стиля близости и привязанности – компонентов любви (Brennan, Shaver, 1995): 1) суверенный – открытый контактам, с низким страхом отказа и способностью поддерживать устойчивые отношения (дети заботливых родителей); 2) избегающий – редко вступает в доверительное общение, боится отказа, склонен к коротким связям (дети требовательных и критичных родителей); 3) амбивалентный – с высокой потребностью в любви на фоне страха отказа (дети несчастных в браке родителей) [15, с. 181–182; 1, с. 326–329].

В любви редко выбирают лучшего из возможных партнёров, и редко получают то счастье жизни, которого хотят. Но за что же «любят», т. е. каковы критерии выбора полового партнёра? Люди 37 культур расположили список качеств спутника/спутницы жизни в порядке значимости (D. M. Buss, 1998). Мужчины предпочитают в женщинах следующие качества: 1) доброта и понимание, 2) интеллект, 3) физическая привлекательность, 4) интересная личность, 5) хорошее здоровье, 6) адаптивность, 7) креативность, 8) желание иметь детей, 9) высшее образование, 10) хорошая наследственность, 11) возможность хорошо зарабатывать, 12) хозяйственность, 13) вероисповедание. Женщины предпочитали в мужчинах такие качества: 1) доброта и понимание, 2) интеллект, 3) интересная личность, 4) хорошее здоровье, 5) адаптивность, 6) физическая привлекательность, 7) креативность, 8) возможность хорошо зарабатывать, 9) высшее образование, 10) желание иметь детей, 11) хорошая наследственность, 12) хозяйственность, 13) вероисповедание [32, с. 156]. Все мужчины заинтересованы в молодом возрасте и физической привлекательности партнёрши. Многие черты, которые женщины и мужчины ценят друг в друге, идентичны – доброта, понимание, интеллект, интересная личность, хорошее здоровье и адаптивность. Но женщины гораздо ниже ценят в мужчинах физическую привлекательность, предпочитают в них обеспеченность и черты, связанные с материальными ресурсами, – социальный статус, амбициозность, трудолюбие и более старший возраст. Выбор полового партнёра зависит от использования одного из двух стратегии любовных отношений, сложившихся в эволюции – кратковременной или долговременной (Buss, 1998).

Мужчины могут повысить свою репродуктивность, оплодотворив максимальное число женщин. Эта стратегия – кратковременные сексуальные отношения, что требует идентифицировать фертильных женщин и в минимум времени найти возможность вступления с ними в интимные отношения. В них мужчины ценят физическую привлекательность, принимая

низкое качество интеллекта, доброты, надежности и эмоциональной стабильности (Buss & Schmitt, 1993). Так как дети не выживают без заботы отца и матери, возник отбор мужчин, ищущих долговременные семейные отношения с женщинами. До появления тестов ДНК отцовство ребенка часто было неопределенным. Мужчина никогда не мог быть уверен, что ребенок – его. Поэтому он искал женщину, отвечающую образу верной жены и проявлявшую среднюю или низкую половую активность. И он предпочитал у женщины в долговременных связях, в отличие от кратковременных, не склонность к промискуитету, а родительские навыки, заботливость, здоровье и фертильность. Послеродовая лактация и долгий период ухода за ребенком требуют от женщин больших усилий, чем от мужчин. Поэтому им выгоднее стратегия долговременных половых связей (3–4 года) – они стремятся к таким связям в два раза чаще мужчин. Партнёр, который обеспечивает, помогает и защищает, повышает шансы выживания потомства. Выбор женщин основан на этих критериях [32, с. 155].

Кратковременные связи женщинам позволяют: 1) оценить несколько потенциальных партнёров-мужчин, чтобы точнее определить наиболее важные для нее качества в долговременных связях, 2) отточить свое искусство поиска и удержания долговременного партнёра, 3) быстро получить ресурсы (деньги и другие блага) в обмен на интимную связь, 4) улучшить генетическое качество потомства (выше ценится физическая привлекательность), 5) начать процесс смены партнёра или иметь запасной вариант на случай ухода или смерти долговременного партнёра. В этих связях женщины больше ценят социальное и финансовое положение партнёра, быстрое получение ресурсов, чем в долговременных (Buss & Schmidt, 1993). Поэтому они предпочитают щедрых мужчин и крайне не любят кажущихся скупыми [32, с. 157–159].

Влюбиться и любить – не одно и то же. Хотя влюбленность может перерасти в любовь, она больше похожа на слепое увлечение, безрассудную страсть, или даже безумие. Это – эволюционная сила, влекущая к тому, кто становится важнее, чем все остальное. Часто ее называют «любовью», но это – не настоящая любовь. Её признаки (Теплов, 1979): 1) навязчивые мысли об объекте влюбленности (далее сокращенно – «ОВ»), 2) острая потребность в ответных чувствах от ОВ, 3) эйфория или приподнятое настроение при взаимности, 4) чувства, мысли и действия сосредоточены на ОВ до такой степени, что остальные заботы игнорируют, 5) сильная, почти бредовая предвзятость, которая искажает восприятие ОВ, что увеличивает выраженность и важность позитивных качеств, одновременно сводя к минимуму негативные черты ОВ, относя их к нейтральным или даже позитивным, 6) половое влечение к ОВ [32, с. 183]. Любовь – это утверждение неповторимости другого человека. Её лейтмотив – благо любимого, ответственность за него. Влюблённость также сильное, всепоглощающее подчас чувство, но не зрелое. Если она возникает из-за новизны психологического и физического единения, ухода от одиночества, предыдущей «нелюбви», то быстро проходит. Если влюблённость направлена на внешние признаки партнёра (физические, социальные), то любовь – на его личность. Влюблённый человек испытывает сильное эротическое влечение, симпатию к другому, но главное в этом – он сам, его радость, а не партнёра. Когда человек любит и теряет любимого, он часто теряет смысл жизни, а при влюбленности возможны частые смены партнёра без ущерба для психики.

«Влюблённость» возникает в эволюции, вероятно, для скрепления пары с целью зачатия детей и их кормления первые несколько лет жизни. Т. е. она скрепляет двух людей устойчивыми взаимоотношениями, что повышает вероятность интимной близости, зачатия и под-

держания жизни потомства. Взаимная влюблённость обычно нацелена на создание «гнезда», где можно предаваться радостям любви, производить и растить детей. Влюблённость – нечто большее, чем половое влечение, но если половое влечение отсутствует – это не настоящая влюблённость (Теннов, 1979). Её часто считают достаточной причиной для вступления в брак. Но влюблённость часто угасает в период от нескольких месяцев до нескольких лет, редко продолжаясь больше 2–3 лет. При этом уходят одержимость и эйфория, становятся заметнее недостатки ОВ. Люди понимают, что недостатки, которым раньше не придавалось значения, на самом деле слишком раздражают, и отношения разрываются – часто с обвинениями, скандалами и ненавистью. Даже взаимная влюблённость редко живет дольше 2–4 лет. Но могут появиться более глубокие, тесные связи, и отношения могут стать крепче с годами. Умение принимать окружающих (толерантность) позволяет сохранить любовь, несмотря на осознание объективных недостатков, несовершенств друг друга, вопреки им. В возрасте 2–4 лет дети ходят, разговаривают, самостоятельно едят и уже становятся несколько независимыми. Теперь двое родителей нужны не так сильно, как прежде. Как механизм, развившийся в эволюции для облегчения развития ребенка, влюбленность не длится дольше, чем необходимо для периодов ухаживания, начала совместной жизни, зачатия, рождения ребенка и его кормления до тех пор, пока он не начнет ходить и говорить. Для этого нужно около 4 лет, а на четвертый год приходится большинство разводов, вероятно, когда угасает влюблённость, а любовь не вытесняет ее. Исследование разводов в 62 социальных группах в 1947–1989 гг. (188 случаев) показало, что пик разводов приходится на четвертый год от момента свадьбы [32, с. 184–185].

Существует два вида влюблённости – увлечение и эмоциональная привязанность. «Увлечение» – быстротечная влюбленность. Если настроение выступает как переживание слабых чувств, то увлечение – сильных, а страсть – очень сильных. Но сильно переживаемое чувство не всегда глубоко. Этим увлечение отличается от любви. Увлечение – это форма переживания (в виде процесса и состояния) сильной, но неустойчивой устремленности к чему-либо или кому-либо. Высокая сила чувств сочетается с их поверхностностью, большой скоростью и легкостью их зарождения и затухания. К разряду увлечений относятся любимые занятия на досуге – хобби. Половое влечение часто принимает форму увлечения, которое может развиваться в любовь или иссякнуть. Увлечение – эгоистическое чувство, и обычно длится недолго. Объект «любви» воспринимается как совершенство, но не нуждается в вас. Влюблённость – изменённое состояние сознания, аналогичное, вызванному наркотиками (ЛСД) или гипнозом; но имеет отличия от них [27, с. 55]. Для некоторых людей она даже может быть пагубной привычкой. Они чрезмерно сексуально активны из-за пристрастия к эйфории, сопутствующей этому состоянию. Они влюбляются в одного человека за другим в череду романтических любовных связей, которые длятся по несколько месяцев или лет. Такие люди могут много лет быть в браке, имея ряд романов «на стороне» или череду любовных связей, каждая из которых длится не более двух лет. Пристрастие к влюблённости так же пагубно, как наркомания, и так же разрушительно для семьи, как алкоголизм. «Привязанность» – эмоциональная зависимость, основанная на эмоциональной близости, побуждающая заботиться о близком (Теннов, 1979). Мужчина испытывает ревность, когда видит ее, разговаривающей с другими мужчинами. Он думает о ней постоянно, во сне и наяву, ему нужно, чтобы она все время была рядом. Ради ее счастья он готов на все. Но эту сильную привязанность человек переживает 1.5–3 г. Очень редко она длится всю жизнь. Можно любить человека, не

доходя до крайних степеней привязанности. Часто один из партнёров более сильно привязан, чем другой, и ради сохранения отношений готов пойти на всяческие жертвы. Но счастье человека, приносящего себя в жертву, длится не более 1.5 г., а еще более несчастен бывает при этом его партнёр. Чтобы эмоциональная близость приносила счастье обоим, оба должны трудиться над отношениями друг с другом, постоянно углубляя свои чувства [2, с. 380–381].

D. Tennov (1979) на основе наблюдений и интервью выявила три пути прекращения влюблённости. Во-первых, если у индивида есть когнитивный барьер против влюбленности, он вряд ли станет жертвой этого состояния. Так, если женатый мужчина твердо решит, что он – однолюб, то вероятность влюбиться у него гораздо ниже, чем у того, кто не принял осознанного решения посвятить себя одному человеку. Если человек чувствует признаки начинающейся влюблённости, наступления которой не хочет, то может прекратить всякий контакт с ОВ. Тогда у нормального человека чувства ослабнут и умрут, хотя «холодный разрыв» будет болезненным. Второй способ убить это чувство – начать совместную жизнь. Как только двое начинают жить вместе, идеалистическая оболочка исчезает, а у четы развивается любовь или наступает разрыв. В-третьих, один ОВ может смениться на другой ОВ.

Существует менее интенсивная и более длительная форма союза двоих, отличная от влюблённости, дающая длительный воспитательный эффект на потомство. Браки, длящиеся десятилетия или всю жизнь, – долговременные пары, а браки длительностью около четырех лет – кратковременный вариант формирования пары. Оба типа связи стремятся вступить в интимные отношения, завести жилье, рожать и растить детей. Итак, две формы образования пар различаются в следующем (Tennov, 1979):

1. Влюблённость – более интенсивный и короткий вариант связи в паре, характерный для людей, склонных заводить кратковременные связи (серия браков или полигамия). При этом типичен разрыв на четвертый год. Молодые люди образуют кратковременные пары чаще, чем люди среднего или пожилого возраста. Возможно, мужчины чаще женщин вступают в кратковременные связи. Влюблённость больше похожа на навязчивую идею, одержимость, помешательство, чем на настоящую любовь. Она предоставляет двум людям возможность объединиться, произвести на свет ребенка и, возможно, вырастить его до того возраста, когда он сможет ходить и говорить (1–2 года).

2. Любовь – менее интенсивный, более длительный тип связи, свойственный людям, склонным к моногамным отношениям. Долговременные пары чаще формируют люди зрелого возраста. Для такого союза характерно глубокое чувство верности и привязанности, склонность видеть партнёра скорее в позитивном (чем в негативном) свете, сильная зависимость от его привязанности и ревность. Это даёт возможность произвести и вырастить детей до их половой зрелости (13–15 лет) или более старшего возраста [32, с. 186].

Сексуальная потребность вкоренилась в природу человека [15, с. 173–175]. Человек волен выбрать один из трех способов её удовлетворения: мастурбация, секс без любви и любовь. Большинство людей выбирает первые два, ибо третье требует времени, душевных усилий, ограничений, ответственности перед другим и собой [33, с. 46–47]. Носители двух форм любви («эстетически-идеальной» и «физиологически-ресторанной») – не разные люди. Один и тот же человек часто выступает актером и в той и в другой роли: сегодня он любит одну – эстетически, «обожает», боготворит ее как Мадонну, далек от всяких «греховных» помыслов о ней и ценит ее за ее душу, за те эстетические переживания, которые она в нем возбуждает. Как самка она существует как нечто случайное и не важное. Но часто вы встретите его в иной

уже роли актера «ресторанной любви», меряющего тротуары, сидящего в кафе или ином месте за столиком с дамой, которая интересуется его уже не как Мадонна или Венера, а как самка [34, с. 257]. Раньше, когда эти две формы любви еще не были дифференцированы и сливались друг с другом, половая любовь ценилась высоко. «Измена» обозначала «физиологическую измену», что было поводом к расторжению брака. Супруги могли мысленно «изменять», ненавидеть друг друга, любить восторженно других, не скрывая этого. Но пока половой измены не было – право и нравы не видели основания для расторжения брака. Теперь эстетико-психологические элементы отняты, вычтены из половой любви, поэтому она – физиологический акт, похожий на пожатие руки. Поэтому ценность половой любви растаяла, а значение половой «измены» упало. И теперь уже при «измене» едва ли не решающую роль играет «психическая» измена, предпочтение одного индивида другому без физиологической измены. В интеллигентных кругах изменой уже считают не столько половое общение, сколько то, что другого индивида находят лучшим, более талантливым, красивым и т. д. В средние века считали, что любовь сохранна, если жена не изменила физиологически. Теперь же достаточно заявления, что супруга любит другого, что другой лучше, достаточно взгляда, улыбки, намека – чтобы ревность могла возникнуть без всякой половой измены. Даже если половая измена была, а «психически» влюбленные принадлежат друг другу и находят друг друга лучшими, – ревности может и не быть. Т. е. ревность психологизируется. Раз половая любовь начинает цениться ниже, то и «серьезное отношение» к ней исчезает. Если она – одна из физиологических потребностей, то безразлично где и как ее удовлетворить, так как половая близость еще не есть и не означает «любовь»: того, что два «я», отдаваясь всецело друг другу, становятся одним «я». Для этого пригодны многие, которые тоже хотят этого, поэтому люди бродят по ресторанам, клубам, барам – сходятся и расходятся, легко завязывают и распутывают связи, не зная и не пытаясь знать внутренний мир, душу, «я» своих любовниц и любовников. У древних богиня Венера, или Афродита, была символом красоты и любви. А сегодня она втоптана в грязь двумя лжебогами – Бахусом, который делает из нее грубое и вульгарное животное, и Маммоной, превращающим ее в проститутку, в то время как лицемерный религиозный аскетизм пытается удержать ее в смиренной рубашке (A. Forel, 1905) [34, с. 263–265].

Интимные отношения могут стать источником разочарования. Влюбленным и романтически настроенным молодым людям брак часто представляется бесконечным медовым месяцем, но наступает «отрезвление», и они признают, что секс перестал быть всепоглощающей страстью. 2/3 состоящих в браке удовлетворены сексуальной частью отношений, но со временем она идет на спад. Супружеские пары, наиболее удовлетворенные интимными отношениями, счастливы и в браке. Такая корреляция не означает, что секс – ключ к счастью; но примеров, когда удовлетворяющий обоих супругов секс и хорошие отношения взаимосвязаны, гораздо больше, чем противоположных (Blumstein & Schwartz, 1983; Laumann et al., 1994) [8, с. 592].

Около трети опрошенных современных людей не верит в любовь; часть разуверилась в ней, а многие думают, что это выдумка поэтов и писателей [6, с. 25]. Если почти все люди хотят любить и быть любимыми, то по закону больших чисел большинство должно это иметь. Но в жизни это бывает редко. Эта «главная ценность» часто связана с множеством страданий, лишений и несчастий. Заниматься сексом, рожать детей и преуспевать в жизни можно и без любви. Но многие ищут любовь, не умея ее отдавать или любить. С одной

стороны, они хотят одарить мир добром и талантами, с другой – хотят взаимной любви, – чтобы кто-то и их одаривал самым лучшим, что у него есть. Реальная возможность одаривать мир – труд. Выдающиеся люди часто понимают это, и реализуют свои лучшие порывы через творчество – «сублимацию», так как в половых контактах не «одарить» весь мир. Но любовь как «работа» и убежище от одиночества (трудоголизм) также – социальная модель патологии любви, форма псевдолюбви – одна из причин безбрачия и поздних браков. Смысл деятельности некоторых профессии (проституция, психотерапия, педагогика) – одаривание любовью своих клиентов. Если проститутка использует для этой цели свое туловище, накрашенное лицо и кокетство, то психотерапевт – свою личность и даже душу. И педагоги главным мотивом своей работы часто выделяют «любовь» к ученикам. Но многие профессии не позволяют полноценно нести другим радость, доброту, проявлять лучшие душевные порывы. Эти работники также хотят чувствовать себя значимыми в обществе – чтобы их любили за ту работу, в которой они реализуют себя. И если эта работа малопонятна потенциальным половым партнёрам для того, чтобы они могли проявить к данному человеку свою признательность и даже любовь (если его трудовая успешность ценится лишь узким кругом специалистов), то для них главное – заработок человека, выполняющего эту (малопонятную) работу. Заработок – универсальный (и понятный большинству) показатель социальной значимости данного труда и человека, этот труд выполняющего. Но любовь имеет и биологический смысл. Симпатии-антипатии к партнёру и у животных определяются способностью выполнять функции деторождения, защиты и пропитания потомства. Любовь обычно выглядит культурной надстройкой на половом инстинкте. Доминанта полового инстинкта в животном мире кажется нецелесообразной: умереть вместо жизни и возможного будущего размножения [35]. Есть много примеров «очеловеченных» проявлений любви – болезнь и гибель особи, потерявшей партнёра (лебеди, голуби, волки и др.). Целесообразность являет себя на уровне мотивов и эмоций. Если жертвовать собой ради потомства, то вид важнее. Человек колеблется между тремя системами объективных смыслов любви: 1) природный (биологический), 2) социально-экономический, 3) личный, когда предпочитают духовно более близкого человека. Цель – максимально совместить эти системы смыслов, но часто выбирать приходится одну из них. Иногда (редко) люди влюбляются друг в друга не потому, что они много зарабатывают или удачно адаптируются к социально-экономической ситуации. Видимо, это и есть настоящая (не ориентированная на деньги и престиж) любовь [36, с. 273].

В детстве любовь эгоистичная – ребёнку необходимо чувствовать себя любимым, он требует любви, а не дарит ее. Он научается любви, получая ее от близких людей, наблюдая ее в добродетелях. Многие дети, растущие в детских домах, не способны любить, так как не имели возможность крепко привязаться к фигуре матери (J. Bowlby, 1982). Эмоционально холодные или отвергающие ребенка матери также тормозят формирование у ребенка способности любить, что ведет к псевдолюбви к партнёру и детям во взрослой жизни, умножая число людей, неспособных любить. Но для нормального развития ребёнка нужна не столько любовь к нему, сколько любовь между родителями, – сильное «пространство Любви» в семье. Для развития ребёнка это аналогично значению солнца и воды для роста дерева [9, с. 38]. Если отличать любовь к родителям от привязанности к ним и подчинения им, то она развивается позже. Первоначально ребенок испытывает любовь к сверстникам, основанной на равенстве и независимости, а не к родителям, – объектам его зависимости и страха

(Е. Р. Fromm). До 7–8 лет он переживает стадию нарциссизма (отсутствия потребности любить другого и быть любимым) – противоположный полюс объективности, разума и любви. Другие существуют для него как средство удовлетворения его потребностей. Лишь позже, по мере взросления, он может начать любить – чувствовать, что потребности другого человека так же важны, как и его (Н. S. Sullivan, 1953) – он учится понимать чувства и нужды другого, заботиться о нем. Любовь к человеку требует как понимания, заботы и сопереживания, так и доверия, уважения и стремления дать счастье другому человеку [2, с. 375]. Нарциссизм (либидозное дополнение эгоизма) сохраняется («вторичный нарциссизм», по S. Freud) и развивается эгоцентризм (и неспособность к любви), если семья из-за неразумной любви предъявляет к ребёнку завышенные или заниженные требования.

Девочки во всех возрастах превосходят мальчиков в уровне способности к сопереживанию и самораскрытию, тяготея к более интенсивному общению. Однополые девичьи диады и триады (9–12 лет) более закрыты для посторонних, чем мальчишеские компании с духом соперничества и иерархической организацией. Ценности дружбы у девочек раньше психологизируются, а мотив «понимания» сильнее, чем у мальчиков, подчёркивающих «верность» и «взаимопомощь». «Пик» однополый дружбы у девочек наступает раньше – в подростковом возрасте; в юности они уже мечтают о «дружбе» с мальчиком – в ней выражается потребность в любви. У мужчин ориентация на однополую дружбу сохраняется и после вступления в брак. Разнополая дружба встречается реже, чем однополая: чаще в детстве и среди взрослых, а не у подростков и юношей (стихийная сегрегация общения мальчиков и девочек во всех обществах), и имеет другие свойства. Поиск своего подобия («другого Я») в дружбе выражен сильнее, чем ориентация на дополнение, а половая принадлежность – один из компонентов «Я» [29, с. 299]. Но тесное общение с другим полом и формирование пар обычно начинается в подростковом возрасте. В зависимости от моды и местных обычаев подростки встречаются и выбирают себе друзей и подруг на танцах, вечеринках, концертах, в спортивных секциях. Многие подростковые «романы» имеют придуманный, игровой характер, в них посвящается весь класс, отношения обсуждаются с друзьями. Игра в любовь и влюблённость часто переходят друг в друга. Половые контакты подростков не всегда вызваны сексуальным влечением. Часто юноши воспринимают половой акт как способ мужского самоутверждения, а девушки идут на близость, чтобы убедиться в сексуальной привлекательности и желанности. Физически красивые девушки менее склонны к раннему началу половой жизни, а девушкам с низкой самооценкой секс дает чувство уверенности в себе. В добрачные половые связи чаще вступают подростки с низкой успеваемостью, и те, чьи родители имеют низкий уровень образования, пристрастие к алкоголю или наркотикам [2, с. 381]. Кроме того, часто вступают в половые контакты с мужчинами девушки с враждебным чувством к родителям: зная, что родители не одобряют такого поведения и будут расстроены. Анонимный опрос студенток показал, что для них основной двигатель половой активности [15, с. 178] – стремление «стать взрослой» (31%), «желание быть как все, не выделяться среди подруг, которые уже имеют сексуальный опыт» (21%), желание удержать партнёра (15%), поиск душевного тепла и поддержки (13%), любопытство (11%) и «потребность в сексе» (9%).

Мужские и женские черты характера по-разному проявляются в любви. Ослабление мужских черт характера может компенсироваться акцентом мужской роли (дон-жуанство и др.). Глубокое поражение мужественности принимает садистские черты: применение силы как главного заместителя мужественности. При ослаблении женского начала возникают ма-

зохистские или агрессивные тенденции в любовном поведении. Имеются различия в том, что волнует мужчин и женщин в любви, и в их реакции на свои отношения. Мужчины, в отличие от женщин: 1) более «романтичные», 2) влюбляются быстрее; им нужно и больше времени, чтобы полностью разлюбить свою избранницу, и они острее переживают разрыв, вероятно, вследствие отсутствия другого, кроме своей подруги, человека, кому они могли бы довериться, 3) в любви реже переживают чувства мучительного страдания и иступленного восторга, 4) в случайных связях реже раскрывают свои чувства [20, с. 366–367].

Если другого любят за то, что он – инструмент удовлетворения моих потребностей, то это – эгоистическая любовь (возникает из потребности в самоуважении, сексе, страха одиночества и т. д.). Если любят бескорыстно, в силу сердечной привязанности, вызывающей деятельность, направленную на благополучие объекта любви, то это – самоотверженная любовь (образец – любовь матери к своему ребенку). В дружных супружеских парах (в отличие от конфликтных) эгоистическая любовь постепенно трансформируется в самоотверженную (В. А. Сысенко, 1989). Потребность человека в единении с миром и достижении индивидуальности удовлетворяет только «любовь». Е. Р. Фромм различал пять форм любви, которые сосуществуют в бессознательном каждого человека: 1) между равными («братская») – основа всех видов любви, 2) материнская («к беспомощному существу»), 3) эротическая, 4) к себе, 5) к Богу. Эротическая любовь – объединение с другим человеком при сохранении обособленности и целостности себя, когда два человека становятся одним, оставаясь двумя личностями с ориентациями на взаимное познание, заботу, ответственность, уважение и понимание [18]. Во всех проявлениях любовь едина в сути – в отношении к своему объекту как к самооценности. Она погибает в момент сделки продажи или обмена, т. е. когда обменивается на нечто третье, вещное, теряя этим свою самооценку [25, с. 41].

Супружеская неверность – еще один аспект отношений, по которому реальный брак не совпадает с его культурным идеалом. Ревность – это проявление любви, страх потерять любимого, а ее отсутствие – равнодушие или абсолютное доверие [33, с. 47; 36]; амбивалентное чувство (смесь любви, ненависти, страха и зависти). Это – компонент любви, отражающий стремление к полному обладанию и переживание бессилия возбудить ответное чувство; мучительное осознание несоответствия потребностей, таящее образ «третьего» в настоящем, будущем или прошлом; стремление сохранить любовный союз, оттеснив соперника (действительного или возможного). Она служит для защиты, сохранения и продления интимного аспекта любви (Davis, 1948). Значение ревности различно для каждого пола. У мужчин она вытекает из проблемы неопределенности отцовства. Женщинам чаще известно, их это ребенок или нет, а мужчины до появления тестов ДНК не могли быть уверены в том, что ребенок – их. Много тысяч лет люди вели образ жизни охотников и собирателей. Собирательством занимались женщины вблизи от лагеря. Охота была занятием мужчин, требовала передвижения на большие расстояния и отсутствия несколько дней или недель. Частая отдаленность пары самцов и самок была следствием разделения труда, давая возможности для неверности. Малоревнивый самец гоминид мог выращивать потомство от других самцов, и гены, ответственные за такую поведенческую тенденцию, исчезли. Самка гоминид, не проявлявшая реакцию ревности на то, что её самец-партнёр увлечен другими самками, рисковала распадом своего союза и гибелью потомства. Мужчины душевно страдают скорее из-за сексуальной, чем из-за эмоциональной неверности партнёрши, а женщины – наоборот (Buss, Larson & Semmelroth, 1992). Это подтвердили кросскультурные исследования в Голландии,

Германии и США (Buunk, Angleitner, Oubaid & Buss, 1996). Чувство ревности ведёт к охране или удержанию партнёра. Явные формы охраны партнёра включают физическое запугивание и насилие к партнёру или к сопернику. Тонкие формы такого поведения – повышение своей привлекательности для партнёра, демонстрация ему подчинения и обещания вести себя лучше. С силой охраны женщинами партнёра коррелирует его доход и уровень притязаний. В конкуренции за партнёра они улучшают внешность и говорят другим, что связаны с ним давними отношениями. Мужчины используют повиновение для удержания партнёра, демонстрируют ресурсы, а к соперникам – угрозы или физическое насилие. Такое поведение коррелирует с физической красотой и молодостью их партнёров. Итак, ревность возникла как адаптивная реакция мужчин, повышающая достоверность отцовства. У женщин ревность способствует продолжению «инвестиций» от партнёра [32, с. 173-175].

«Ревность» – неприязненно-враждебное конкурентное чувство к успехам, заслугам, достоянию, популярности, самостоятельности в действиях и чувствах другого человека. Ей характерны эмоциональная несвобода личности, созависимость с объектом ревности и потребность безраздельного обладания. Она возникает в семейно-сексуальных, дружеских и деловых отношениях (учеников по отношению к учителю, сотрудников из-за расположения руководителя, детей за особое внимание родителей и др.). Наиболее частая ревность – в отношениях полов, поскольку половая любовь включает естественное чувство взаимного обладания [38, с. 104]. Временами сексуальную симпатию к другим испытывают даже те партнёры, которые довольны своими любовными и сексуальными отношениями. Для гармонии любовных отношений значима половая и социально-психологическая зрелость. По Е. Erikson, «зрелая генитальность» включает: 1) совместность оргазма, 2) с любимым партнёром, 3) другого пола, 4) с которым человек может и хочет делить взаимное доверие, 5) с которым он способен и хочет регулировать циклы: а) труда, б) продолжения рода, в) отдыха, г) с тем, чтобы обеспечить и потомству благоприятное развитие [31, с. 401]. Но между половой и социально-психологической зрелостью человека нет полного соответствия (И. С. Кон, 1967). В этом – простор для возникновения ревности в личных отношениях, таящих из-за противоречий в развитии каждого возможность несоответствия их интересов и потребностей [39, с. 27–28]. Нормальную, обыденную ревность определяют: 1) повод (факты, дающие основание подозревать неверность), 2) отсутствие патологической фиксации на этих мыслях, 3) черты личности – тревожная мнительность, повышенное самолюбие и эгоцентризм, 4) любовь, 5) возможность слежки за партнёром, 6) принятие логического разубеждения, 7) критичность в «светлые периоды», 8) усиление при разлуке с партнёром. По этим же критериям различают три вида аномальной ревности: навязчивую, сверхценную и бредовую [39; 40, с. 43–47]. Она искажает интимные отношения людей, порождая конфликты и даже преступления. Нередко выясняется, что ревность была обоснованной – один из партнёров изменяет другому. Независимо от того, были ли подозрения раньше, или известие об измене стало неожиданным – оно воспринимается очень болезненно: означает, что в жизни одного из партнёров появился человек, равный по значимости тому, с кем он живет [31, с. 267]. Обманутый партнёр больше не чувствует себя и отношения уникальными, ему очень больно вдвойне – от обмана и от измены как крушения особенности, единственности того, что их связывало. Измена – угроза для отношений, не все способны простить ее, даже если партнёр раскаивается и обещает больше этого не повторять. Доверие теряется, и вернуть его очень трудно [10, с. 273–280; 37]. «Измена» (внебрачный секс)

осуждается (90% взрослых). Норма сексуальной верности в браке – элемент культуры. Но реальное поведение отличается от культурного идеала: около 25% женатых мужчин и 10% замужних женщин имели хотя бы одну внебрачную половую связь. Остальные сохраняют сексуальную верность партнёрам на протяжении супружеской жизни (Laumann et al., 1994; NORC, 2001) [8, с. 593]. Случайные связи иногда возникают в состоянии алкогольного опьянения, когда человек теряет стыдливость, его влечения, в т. ч. сексуальное, растормаживаются, и он теряет критичность поведения (около 50% первых аборт). Измена – сильный аргумент для того, чтобы двое пересмотрели правила взаимоотношений. Чаще она происходит, если у партнёров нет иных способов сообщить о своих затруднениях, недовольстве и раздражении. Возможно, если они обсудят планы на дальнейшую жизнь (совместную или раздельную), выразят свои истинные чувства, то у них появится шанс вернуть доверие друг к другу. Или оба поймут, что у их союза нет будущего – тогда каждый может начать жизнь, свободную от разочарований, обид и раздражения.

Среди причин разводов выделяют: 1) вступление в брак без любви или легкомысленно, 2) отсутствие взаимопонимания (несовместимость характеров), 3) пьянство супруга, 4) влияние родственников [10, с. 267–273], 5) разницу в возрасте, 6) неверность супруга, 7) отсутствие общих интересов, 8) нежелание иметь детей, 9) интимную дисгармонию, 10) плохие жилищные условия, болезнь или осуждение супруга к лишению свободы на долгий срок [4, с. 531; 41, с. 307]. За этими мотивировками часто скрыты более основательные и серьезные расхождения между супругами. Иногда реальный мотив подменяется другим. Основной фактор роста разводов – возросшая независимость женщин. Работающие женщины имеют позитивную «Я-концепцию» и высокую потребность в достижениях, и меньше связывают свой престиж с социальным положением мужа. Не нуждаясь в эмоциональной и экономической поддержке мужа, они мало терпимы к трудностям семейной жизни, и чаще инициируют разводы (J. V. Kelly, 1982). Иногда развод – единственный способ выхода из тупика, но всегда несет страдания, порождая у обоих чувство вины и депрессию [2, с. 394]. Он аналогичен смерти близкого человека, это – «смерть» отношений, вызывающая болезненные чувства. E. Kubler-Ross (2000) описала 5 его стадии: отрицания, озлобленности, переговоров, депрессии и адаптации [42, с. 794].

Семья – структура отношений доминирования-подчинения (власти), ответственности и эмоциональной близости [43, с. 5]. В ней мать и отец играют разную роль в развитии личности ребенка (E. P. Fromm). Мать создает эмоциональный климат, формирующий способность любить мир. Отец играет роль в формировании иерархии этических ценностей, образа себя. Мать представляет природу и безусловную любовь, а отец – абстракцию, совесть, долг, закон и иерархию. Исполнение этих ролей одним из родителей влечет дефицит формирования саморегуляции, эмоциональной или нормативной природы (А. Кемпински, 1975). В. Н. Дружинин, как и М. Mead (1988), считает, что нормальная семья – семья, ответственность за которую несёт мужчина (отец) [43, с. 12, 40–45, 85–95]. Ребёнок наиболее социализируется в семейной группе, если ее основа – любовь: в ней он изживает природный индивидуализм, научается жить для других. Неполные семьи возглавляют чаще женщины – результат разводов, смертей и их решения родить ребенка вне брака. Но 30–85% делинквентных подростков вырастают в неполной семье при воспитании по типу «гипопротекции». Сценарии сексуального поведения приобретаются через имитацию и моделирование – поэтому люди, выросшие в неполных семьях, часто имеют проблемы в отношениях с партнёрами. Де-

вочки, живущие с матерью, как правило, имеют негативные чувства к отцу. Многие из них испытывают трудности в отношениях с мужским полом, напряженность при общении, часто неразборчивы в отношениях с ним. А главный фактор удачного брака – правильный выбор спутника жизни. Развод родителей повышает вероятность будущего развода их ребенка [1, с. 394–396].

Любовь на бессознательном уровне связана с сексуальностью, которая обуславливает инстинктивное тяготение полов, приводящее к продолжению рода. Плод эротической любви – ребёнок. Иногда брак бывает бесплодным, если при детородном возрасте супругов и регулярной половой жизни без применения противозачаточных средств, у жены не возникает беременность в течение года. При мужском бесплодии 3/4 жен психологически поддерживают мужей, а при женском бесплодии 1/5 мужей думают о разводе, причем отношения обостряются после 3 лет бесплодного брака [44, с. 254]. Любовь может противоречить своей биологической базе – деторождению.

Снижают способность к построению отношений эротической любви и семейной жизни алкоголизм, наркомания, аномалии сексуальности (промискуитет, гипо-, гипер-, гомо- и асексуальность). 5 групп психически аномальных людей – 1) психически больные, 2) умственно отсталые, 3) страдающие психопатиями, 4) с невротической личностью (S. Freud, A. Adler, K. Horney) и 5) с расстройствами личности – имеют разные нарушения мотивации и способности любить [10, с. 215–224; 12, с. 388–491]. Так, психопаты (75% – мужского пола) часто приятны в общении, имеют высокий интеллект, производят впечатление обаятельных, но редко имеют друзей и с трудом понимают любовь. Они умеют заручаться симпатией и дружбой других, но мало способны к отношениям дружбы и любви (H. Cleckley, 1976). Могут симулировать эти чувства, но преданность и сострадание им недоступны, они мало нуждаются в принятии и проявлении любви (R. Hare, 1991) [45, с. 60, 66].

При повышенном половом влечении мужчины (сатириазис) и женщины (нимфомания) постоянно чувствуют сексуальную неудовлетворенность и ищут всё новых партнёров. Эта гиперсексуальность наблюдается при пубертатном кризисе, психопатиях (гипертимного и истерического типа), олигофрении и маниакальных состояниях. У девочек-подростков с высокой аффективной возбудимостью она проявляется в беспорядочных половых связях и фантазиях сексуального содержания (вымыслы о поклонниках, сексуальных притязаниях окружающих). Расторможенность сексуального влечения у мальчиков проявляется реже и раньше (в 14–15 лет), отличается напряженностью, умением добиваться его реализации (К. С. Лебединская и др., 1988). Под «подростковым промискуитетом» понимают половые сношения с частой сменой партнёров, нередко сочетающиеся с алкоголизацией, особенно у девочек (Р. Г. Илишева, 1978). В состоянии опьянения они подчиняются старшим партнёрам, в асоциальных компаниях срабатывает реакция имитации и расторможение сексуального влечения. При повзрослении у них (чаще девочек) нередко сохраняется потребность в смене сексуальных партнёров, неспособность удовлетвориться постоянной связью, что мешает созданию семьи (А. Е. Личко, 1985). Промискуитет чаще встречается у людей с истерическим, гипертимным и неустойчивым преморбидом, при маниакальном синдроме [40, с. 426, 436].

Итак, следует различать надорганическую потребность в любви и способность любить (а также органическую потребность в сексе и способность к нему как компоненты эротической любви). Глубинная причина распада семей – отсутствие способности к настоящей любви, неспособность её построить или сохранить. Её заменяют влюблённость,

эгоистическая (незрелая) любовь, формы ложной и неполноценной любви. К частым прямым причинам относятся возросшая независимость женщин, потеря взаимопонимания и взаимодоверия (вследствие измены и аномальной ревности), несовместимость характеров или духовных ценностей. Безбрачие часто обуславливают инвалидность, предпочтение свободы и независимости, непомерные требования к партнёрам, потребительская жизненная позиция, бесплодие, алкоголизм, наркомания, аномалии личности и сексуальности. Брачно-семейные отношения, благополучие и стабильность семьи зависят от качества интимной жизни, личных отношений, которые требуют дальнейших углублённых исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Почебут Л. Г., Мейжис И. А. *Социальная психология*. СПб.: Питер, **2010**. 672 с.
2. Квинн В. *Прикладная психология*. Пер. с англ. СПб.: Питер, **2000**. 560 с.
3. Швец А. М., Могилёвкин Е. А., Каргаполова Е. Ю. Мотивация вступления в брак и её влияние на кризис будущей семьи // *Вопросы психологии*. **2006**. № 2. С. 93–95.
4. Малкина-Пых И. Г. *Возрастные кризисы*. М.: Эксмо, **2005**. 896 с.
5. Рюриков Ю. Б. *Мед и яд любви (семья и любовь на сломе времен)*. М.: Молодая гвардия, **1989**. 446 с.
6. Щербатых Ю. В. *Искусство обмана. Популярная энциклопедия*. М.: Эксмо-Пресс, **1999**. 544 с.
7. *Практическая психология* / Под ред. М. К. Тутушкиной. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Дидактика Плюс, **2001**. 368 с.
8. Масионис Дж. *Социология* / Пер. с англ. 9-е изд. СПб.: Питер, **2004**. 752 с.
9. Некрасов А. А. *Материнская любовь*. Изд. 5-е, перераб. и доп. М.: АСТ Астрель, Владимир: ВКТ, **2009**. 249 с.
10. Кратохвил С. *Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний* / Пер. с чешск. М.: Медицина, **1991**. 336 с.
11. Решетняк Ю. А. Применение тестов межличностных отношений к задачам брачного клиринга // *Вопросы кибернетики*. **1978**. Вып. 48. С. 70–85.
12. *Сексопатология: Справочник* / Под ред. Г. С. Васильченко. М.: Медицина, **1990**. 576 с.
13. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляция* // *Философия эпохи постмодернизма*. Минск: Красико-Принт, **1996**. 348 с.
14. Мацумото Д. *Психология и культура* / Пер. с англ. СПб.: Прайм-Еврознак, **2002**. 416 с.
15. Нуркова В. В., Березанская Н. Б. *Психология*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, **2011**. 575 с.
16. Аристотель *Этика*. М.: АСТ: АСТ Москва, **2010**. 492 с.
17. Розин В. М. *Любовь и сексуальность в культуре, семье и взгляды на половое воспитание*. М.: Логос; Высшая школа, **1999**. 208 с.
18. Фромм Э. *Искусство любить* // Фромм Э. Душа человека / Пер. с нем и англ. М.: Республика, **1992**. 430 с. С. 109–178.
19. Соммэр Д. С. *Мораль XXI века* / Пер. с исп. М.: София, **2004**. 528 с.
20. *Психологическая энциклопедия*. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. Пер. с англ. СПб.: Питер, **2003**. 1096 с.
21. Майерс Д. *Социальная психология* / Пер. с англ. СПб.: Питер, **1996**. 684 с.
22. Гозман Л. Я. *Психология эмоциональных отношений*. М.: МГУ, **1987**. 176 с.
23. Шестаков Д. А. *Супружеское убийство как общественная проблема*. СПб.: СПбГУ, **1992**. 96 с.
24. Емалетдинов Б. М. *Психология личности: курс лекций*. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: РИЦ БашГУ, **2013**. 286 с.
25. Братусь Б. С. *Аномалии личности*. М.: Мысль, **1988**. 301 с.
26. Емалетдинов Б. М. *Проблема любви в социальной философии и психологии*. Уфа: РИЦ БашГУ, **2011**. 348 с.
27. Берн Э. *Секс в человеческой любви* / Пер. с англ. М.: Моск. кадровый центр, **1990**. 112 с.
28. Келли Г. Ф. *Основы современной сексологии* / Пер. с англ. СПб.: Питер, **2000**. 896 с.
29. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 тт. / Гл. ред. В. В. Давыдов. М.: Больш. Росс. энцикл. Т. 1. **1993**. 608 с.
30. Фернхем А., Хейвен П. *Личность и социальное поведение* / Пер. с англ. СПб.: Питер, **2001**. 368 с.

31. *Психология личности: Хрестоматия* / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря, В. В. Архангельской. М.: АСТ: Астрель, **2009**. 624 с.
32. Палмер Д., Палмер Л. *Эволюционная психология: Секреты поведения Homo sapiens* / Пер. с англ. СПб.: Прайм-Еврознак, **2007**. 384 с.
33. Сафин В. Ф. *Зигзаги мыслей и озарений: Записки психолога*. Уфа, **2005**. 70 с.
34. Сорокин П. А. *Современная любовь* / Общеизвестный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, **1994**. 560 с.
35. Веллер М. *О любви*. М.: АСТ-Москва, **2008**. 380 с.
36. Пряжников Н. С. *Мотивация трудовой деятельности*. М.: Академия, **2008**. 368 с.
37. Бабиевская Е. К., Белова Ю. В., Немировский К. Е. *Он и Она. Любовь в вопросах и ответах*. М.: Ин-т общегуманитар. исследований, **2001**. 200 с.
38. *Психология личности: Словарь-справочник* / Под ред. П. П. Горностая, Т. М. Титаренко. Киев: Рута, **2001**. 320 с.
39. Калинина Н. П. *Патологическая ревность. Структура, систематика и течение*. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, **1976**. 200 с.
40. Гиндикин В. Я. *Лексикон малой психиатрии*. М.: Крон-Пресс, **1997**. 576 с.
41. Ильин Е. П. *Психология любви*. СПб.: Питер, **2013**. 336 с.
42. Малкина-Пых И. Г. *Экстремальные ситуации*. М.: Эксмо, **2005**. 960 с.
43. Дружинин В. Н. *Психология семьи*. 3-е изд. СПб.: Питер, **2012**. 176 с.
44. Менделевич В. Д. *Клиническая и медицинская психология: Практическое руководство*. М.: Мед-Пресс, **1998**. 592 с.
45. Галяутдинова С. И., Емалетдинов Б. М. *Расстройства личности: спецкурс по клинической психологии* / Уч. пос. В 2-х кн. Уфа: БИРО, **2005**. 362 с.

Поступила в редакцию 23.12.2012 г.

После доработки – 22.02.2013 г.